

Иллюстрация: Мира Огай для ОВД-Инфо

02.10.2024

Доступ детей к правосудию и эффективным средствам правовой защиты: обращение в Комитет по правам ребенка ООН

Обращение по проекту замечания общего порядка № 27 о праве детей на доступ к правосудию и эффективным средствам правовой защиты.

English version

23 августа 2024

Данное обращение подготовлено [Центром защиты прав человека «Мемориал»](#), [Антидискриминационным центром «Мемориал»](#) и [ОВД-Инфо](#) для проекта замечания общего порядка № 27 Комитета по правам ребенка.

I. ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ДОСТУПА ДЕТЕЙ К ПРАВОСУДИЮ В КОНТЕКСТЕ ВРЕДНЫХ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАКТИК

Доступ детей к правосудию значительно затруднен в случаях, когда преступления против них не конкретно определены в национальном законодательстве, а регулируются общими законами, не учитывающими возраст и пол ребенка. Этот пробел лишает детей эффективных средств правовой защиты.

Во многих странах девочки не имеют эффективных средств правовой защиты в отношении вредных традиционных практик, в том числе и женского обрезания (далее — ЖО). В частности, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) не предусматривает уголовной ответственности за ЖО. В этих случаях власти полагаются на общие положения УК РФ, такие как статьи 115 («Умышленное причинение легкого вреда здоровью»), 112 («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью») и 111 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»). Однако только статьи 115 и 112 содержат такое отягчающее обстоятельство, как причинение вреда несовершеннолетнему.

В единственном случае, который дошел до суда, врач, совершивший ЖО в отношении девочки, был осужден по статье 111 УК РФ и получил незначительный штраф. Более того, несмотря на обвинительный приговор, врача освободили от ответственности, поскольку двухлетний срок давности по данной статье истек к концу судебного разбирательства.

Обычаи, существующие в различных странах, сами по себе могут являться препятствием для доступа детей к правосудию, так как они поощряют и нормализуют такие вредные практики, как ЖО, ранние принудительные браки (обычно религиозные браки, не требующие государственной регистрации) и традиционная практика отъема детей у матерей после развода или смерти мужа на основании того, что «дети принадлежат роду отца». В таких случаях мнения детей не учитываются, а их интересы не соблюдаются.

Подобные дела редко доходят до суда, поскольку эти вредные практики часто совершаются с согласия родителей. Дети могут не сообщать о таких преступлениях, чтобы избежать последствий для семьи, или потому что они не осознают их криминального характера. Даже если они сообщают, короткие сроки давности часто препятствуют правосудию. Если дело доходит до суда, обычаи также могут повлиять на судебное решение, а должностные лица могут не спешить с исполнением решения, противоречащего этим обычаям.

Отсутствие строгого законодательства, защищающего детей от конкретных видов вредных практик, в сочетании с обычаями, нормализующими их, значительно затрудняет доступ детей к правосудию, особенно если в это вовлечены родители или опекуны.

Рекомендации:

- законодательство государств должно предусматривать конкретные составы преступлений против детей, а не полагаться на общие статьи, которые не учитывают уязвимое положение ребенка;
- все традиционные практики и обычаи, наносящие вред детям, должны быть запрещены, а виновные, включая родителей и других родственников, должны привлекаться к ответственности;
- государства должны предотвращать вынесение судами и другими государственными органами решений, основанных на традиционных практиках и дискриминационных обычаях, которые нарушают права детей;
- сроки давности для преступлений против детей должны быть либо отменены, либо значительно продлены, и должны отсчитываться с момента, когда ребенок достигает 18 лет;
- государства должны обеспечить возможность детей всех возрастов обращаться в органы власти самостоятельно или с помощью взрослых, если их права нарушаются родителями или другими законными представителями. Третьи стороны, являющиеся свидетелями таких нарушений, включая НКО и другие независимые организации, должны иметь возможность сообщать о них и представлять интересы детей в суде;
- государства должны гарантировать, что в школах и других детских учреждениях существуют специальные занятия и программы, направленные на информирование о правовых и других механизмах, доступных для защиты их прав. Формат и содержание информации должны быть адаптированы к возрасту ребенка.

II. ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ДЛЯ ДЕТЕЙ ИЗ УЯЗВИМЫХ ГРУПП

Существует общая проблема доступа к правосудию для детей, которые не могут представлять свои интересы в суде (во многих странах это все дети младше 18 лет, в некоторых — младше 16 или 14 лет). Эти дети могут быть представлены только родителями (законными представителями) или государством (действующим в интересах ребенка). Однако уязвимые группы и семьи мигрантов, лиц без гражданства и меньшинств часто не могут защитить права своих детей. Они либо не могут обратиться в суд (если у них нет документов, или их правовой статус не урегулирован, и т. д.), либо слишком зависимы от государства, чтобы выступить против него в суде. Например, цыганские семьи, которые заявляют о дискриминации своих детей в государственных школах, могут оказаться под угрозой выселения. Эти семьи часто вынуждены отказаться от судебного разбирательства, делая выбор в пользу сохранения своего социального жилья вместо обеспечения образования для своих детей. Между тем государство не защищает права ребенка в случаях, когда они нарушаются самим государством. Это часто касается детей мигрантов, детей из этнических меньшинств, детей с особыми потребностями, детей, находящихся в специализированных учреждениях, и других.

Рекомендация:

- государства должны предоставлять возможность детям, подверженным дискриминации, обращаться за правосудием при поддержке правозащитников, НКО и независимых юридических экспертов без прямого участия родителей.

III. ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ И ЭФФЕКТИВНЫМ СРЕДСТВАМ ЗАЩИТЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ, ВЫВЕЗЕННЫХ НА ВРЕМЯ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Во время войны детей часто вывозят из зон боевых действий и оккупированных территорий, в том числе на территорию государства-оккупанта. Дети, их родственники и государство, в котором они родились, сталкиваются с политическими, логистическими, финансовыми и связанными с безопасностью препятствиями при возвращении детей на родину. У детей часто отсутствуют эффективные механизмы для обжалования длительной перевозки и защиты своих прав во время краткосрочного трансфера.

Например, после начала полномасштабного вторжения России в Украину в 2022 году и последующей оккупации Россией части украинской территории многие украинские дети были перевезены в Россию. Впоследствии некоторым родителям удалось вернуть своих детей домой, но для этого им пришлось самим приехать в Россию. Однако из-за войны или логистических и финансовых препятствий не все родители имели такую возможность.

В 2023 году украинское правительство предоставило право юридического представительства другим родственникам детей, перевезенных в Россию (бабушкам, дедушкам, старшим братьям и сёстрам и т. д.). Эти родственники также были обязаны приехать в Россию, чтобы вернуть их.

Этот пример представляет собой возможное решение проблемы юридического представительства перевезенных детей. Однако проблема может возникнуть, если страна происхождения предоставляет эти права

на представительство, но правительство страны нахождения ребенка не признаёт их.

Украинские дети, у которых не было родственников, которые могли бы приехать за ними в Россию, были принудительно помещены в российские семьи или специальные учреждения для детей (детские дома), где их воспитывали как российских граждан и патриотов. Эти дети **не имели эффективных средств правовой защиты**, в том числе возможности судебного обжалования.

Рекомендации:

- государства должны информировать детей, вывезенных с оккупированных территорий, об их праве сохранять гражданство, полученное при рождении, получать образование на родном языке, а также о доступных механизмах защиты их прав на национальном уровне;
- государства должны защищать детей, вывезенных с оккупированных территорий, от политической пропаганды, направленной против их родного государства, и предоставлять им эффективные правовые средства для оспаривания такой пропаганды;
- государства должны учитывать мнение детей по вопросам их гражданства, идентичности и возвращения на родину при рассмотрении их дел в государственных учреждениях;
- государства должны создать механизм для возвращения детей их родителям без физического присутствия родителей при рассмотрении дела в государстве-оккупанте;
- государства должны признавать представителями в национальных судах и учреждениях не только родителей ребенка, но и других родственников и законных представителей из государства рождения ребенка;
- государства должны содействовать заключению двусторонних соглашений между странами, регулирующих статус детей в трансграничных ситуациях, права законных представителей, доступ к правосудию и обмен информацией об этих детях. В некоторых случаях дети могут быть представлены государством их происхождения;

- государства должны информировать страну происхождения ребенка о его перемещении и учитывать мнение этого государства по вопросу возвращения ребенка при рассмотрении дела в национальных учреждениях. Это правило должно применяться в период войны и других военных конфликтов.

IV. ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ КАК УСЛОВИЕ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО ДОСТУПА К СРЕДСТВАМ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

Основой для того, чтобы дети могли эффективно пользоваться своими правами и получать средства правовой защиты, является доступ к информации. Лишение доступа к критически важной информации может привести к отказу в правосудии. Это особенно актуально в случаях, когда государства вводят полные запреты на определенные виды информации, такие как информация, касающаяся медицинских процедур (например, трансгендерного перехода) или так называемой ЛГБТК+ пропаганды среди детей. Такие ограничения не только мешают пониманию детьми своих прав, но и препятствуют их доступу к медицинской, психологической и юридической поддержке, которая может быть им необходима.

Одним из наиболее ярких примеров является поправка к Федеральному закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», направленная против «отрицания традиционных семейных ценностей среди несовершеннолетних». Этот закон был принят под предлогом защиты детей от вредной информации и ЛГБТК+ пропаганды в 2013 году, но с тех пор превратился в запрет на любое не негативное освещение ЛГБТК+ вопросов. В 2022 году был принят

законопроект, расширяющий действие закона о запрете гей-пропаганды на все возрастные группы и добавляющий к запрещенным категориям материалы, которые могут вызвать у несовершеннолетних «желание сменить пол». Это демонстрирует, как полные запреты на информацию для детей могут стать первым шагом к более широкой цензуре и часто продиктованы не защитой детей, а дискриминационными взглядами.

Эти законы вносят существенную неопределенность в вопрос о том, как можно информировать несовершеннолетних по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности, если вообще можно. Молодежь ЛГБТК+ является особенно уязвимой группой с точки зрения психического здоровья и риска самоубийств, а законы, запрещающие «пропаганду», существенно ограничивают возможности решения и предотвращения этих проблем. Эти законы не только ограничивают доступ детей к информации об их сексуальной ориентации или гендерной идентичности, но и препятствуют их доступу к психологической помощи, медицинским и юридическим консультациям. Следовательно, дети не могут быть эффективно проинформированы о проблемах, связанных с ЛГБТК+, в медицинском или юридическом контексте и не могут эффективно оспорить отсутствие медицинской и психологической поддержки.

Эти законы препятствуют созданию специальных средств правовой защиты для молодежи в образовательных учреждениях и подвергают опасности НКО и специалистов, работающих с молодежью ЛГБТК+, которая и так находится в уязвимом положении. Поскольку правонарушителями часто являются их законные представители, детям ЛГБТК+ может быть трудно получить доступ к поддержке, особенно если информация, касающаяся их сексуальной ориентации или гендерной идентичности, ограничена. Такие запреты препятствуют

доступу к необходимой помощи и ограничивают возможности детей защищать себя в суде. Более того, универсальный подход к ограничению информации неуместен; вместо этого следует применять индивидуальный подход, основанный на возрасте и зрелости.

Российский закон о запрете «пропаганды» послужил катализатором для принятия нескольких удивительно похожих законов по всему миру — например, в **Кыргызстане**, **Грузии**. Вредоносная российская практика нашла отражение и в законодательстве европейских стран: в 2021 году аналогичный закон был принят в **Венгрии**, а в августе 2024 года подобный закон был принят **парламентом Болгарии** и одобрен **президентом** страны.

Рекомендации:

- государствам следует рассмотреть возможность создания комиссий или консультативных органов для тщательной оценки того, как запреты и ограничения на определенную информацию могут повлиять на детей и не навредят ли они им. В состав этих органов должны входить работники образования, психологи и медики, а не государственные чиновники. Эти органы должны обеспечивать получение детьми соответствующей возрасту информации, особенно в отношении психологической поддержки и медицинских процедур, связанных с гендерным переходом;
- государства должны воздерживаться от абсолютных запретов на распространение информации среди детей, особенно в областях, касающихся здоровья, личности и благополучия. Обеспечивая получение детьми необходимой им информации в форме, соответствующей их возрасту и обстоятельствам, дети могут получить эффективный доступ к имеющимся средствам правовой защиты, включая судебные.

V. НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТУПА ДЕТЕЙ К ПРАВОСУДИЮ И СУДЕБНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ

Во многих странах существуют различные национальные институты по защите прав детей, но отсутствие независимости из-за особенностей финансирования и процедуры назначения, а также отсутствие реальной возможности влиять на решения правительства делает их неэффективными в обеспечении доступа детей к средствам правовой защиты.

Например, в России существует два основных института защиты прав детей: федеральный и региональные детские

омбудсмены, которые имеют свой административный аппарат. Федеральный омбудсмен назначается Президентом РФ, а региональные — местными законодательными органами, и все они финансируются государством. Эти аффилированные с правительством чиновники часто не сравнимы с независимыми НКО, которые, будучи более связанными с сообществами на местном уровне, предлагают более адресную и эффективную помощь. Перегруженные бумажной работой и не обладающие специальными навыками омбудсмены не могут работать непосредственно с детьми. В настоящее время в России не существует прямого механизма, позволяющего детям подавать жалобы, получать юридические консультации или судебное представительство через омбудсмена.

В 2022 году был создан Федеральный детский общественный совет (далее — ФДОС) как консультативный орган при федеральном Уполномоченном по правам ребенка, призванный привлекать детей к принятию решений по вопросам, затрагивающим их интересы. В состав ФДОС входят председатели региональных детских общественных советов (далее — ДОС) в возрасте от 14 до 20 лет, которые участвуют в его работе на добровольной основе. Кандидатуры предлагаются региональными омбудсменами. Однако деятельность ДОС несколько непрозрачна: несмотря на то, что каждый из них ведет свою деятельность в социальных сетях, у них нет ни веб-сайтов, ни публичных отчетов об их деятельности. Эти ДОС не предназначены для сбора информации, рассмотрения жалоб или представления интересов детей в суде.

В соответствии с российским законодательством в каждом регионе действуют Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав — коллегиальные органы, создаваемые высшими исполнительными

органами власти субъектов РФ. Эти комиссии призваны осуществлять профилактику безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественного поведения несовершеннолетних, защищать права детей. Однако на практике они функционируют скорее как государственные органы, заменяющие суды для несовершеннолетних, совершивших правонарушения (поскольку несовершеннолетние **не могут быть судимы** обычными судами). Из-за недостаточного штата и отсутствия специальной подготовки в таких областях, как психология, педагогика и криминология, комиссиям **сложно** проводить индивидуальную профилактическую работу с подростками и несовершеннолетними правонарушителями.

Следует отметить, что **другие страны** Восточной Европы и Центральной Азии также сталкиваются с подобными проблемами, включая нехватку специализированных профессиональных навыков у работников и отсутствие механизмов, доступных для детей.

Рекомендации:

- государства должны обеспечить независимость уполномоченного по правам ребенка и позволить ему напрямую вмешиваться в дела, где права детей могут оказаться под угрозой, а также предоставить омбудсмену расширенные полномочия по проведению расследований, в частности, по контролю за выполнением Конвенции на различных государственных уровнях;
- государствам следует внедрить в вышеупомянутых учреждениях процедуры и процессы, учитывающие интересы детей и их гендерные особенности;
- государствам следует передать непосредственную работу с детьми от государственных служащих независимым специалистам, в том числе из НКО и профессиональных организаций (например, юристам, врачам). Эти эксперты могли бы составить независимый Совет при омбудсмене, который бы занимался оказанием специализированной помощи, профилактикой, жалобами и юридическим представительством, в то время как административные задачи оставались бы за государственными служащими.